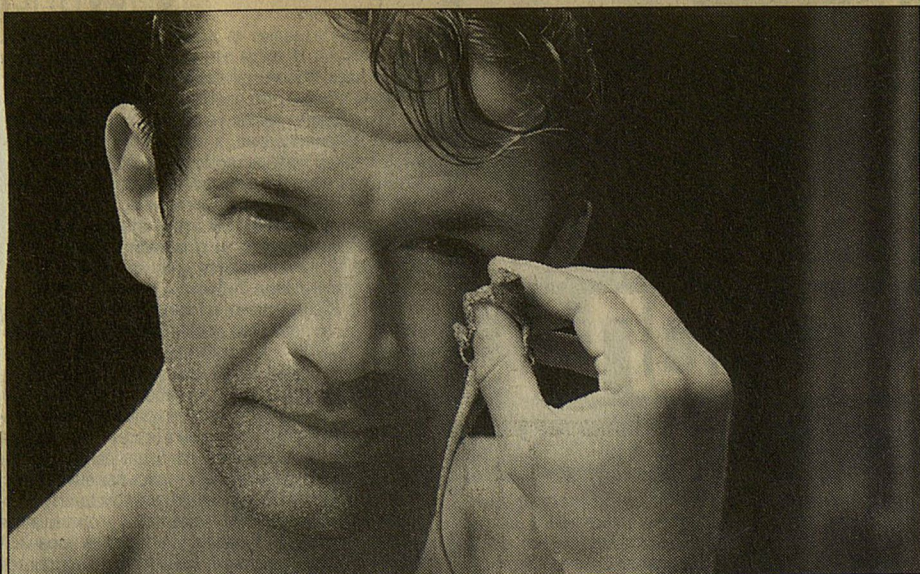

Московский комсомолец - 2001 - 13 Март - с. 3

МАШКОВ СТАВИТ НА ЧЕРТОВУ ДЮЖИНУ

В последнее время любимым числом актера и режиссера Владимира Машкова стало число 13. Он живет в доме под номером 13. Номер автомобиля — 13. И спектакль, который сейчас он репетирует во МХАТе им. Чехова, так и называется — «№13». Судя по всему, чертова дюжина его не пугает.

Мы встретились во мхатовском буфете, как только закончилась очередная репетиция. Здесь кроме мхатовцев перекусывали артисты «Табакерки», «Современника». Леонид Тимцуник из «Сатирикона» проплыл мимо с подносом.

— Это замечательный, очень пластичный артист, — говорит Владимир Машков. — Я всегда стараюсь собрать свою команду — или артистов, которых я хорошо знаю, либо из других театров, но моей группы крови. В новом спектакле у меня работают: блестящий Авангард Леонтьев, Женя Миронов и Сережа Беляев из «Табакерки», Игорь Золотовицкий из МХАТа...

— «№13» — что это такое?

— Жанр спектакля самый сложный — чистая комедия положений, которая постепенно должна перерасти в абсурдистскую. Если пройти экскурсом по истории жанра, то это «безумный, безумный, безумный мир». В жизни часто так бывает — ситуация происходит из ничего и растворяется в ничто. В «№13» будет и он, и она, и оно, и покойник. И живые, и полуживые. Жванецкий, выпустивший недавно четырехтомник, сказал: «Не хочу в этом участвовать. Я юморист теперь». Я хочу во всем участвовать. Поэтому я с благоговением отношусь к тому, что он сделал, и понимаю, что при нашем довольно жестком накруте жизни нужна нота такого агрессивного, ярого смеха. Я, например, мечтаю, чтобы людей из зала выносили от смеха. Я надеюсь, мы до этого доведем.

Смех, сейчас я как биолог говорю, полезен. В организме вырабатываются эндерфины — такие шутки, которые борются с гормонами страха, стресса и так далее.

— Тебе не простят, если ты не сделаешь, что обещаешь.

— Не могу сказать. Дело в том, что победы и поражения идут в одном русле. Мы делаем это влюбленно.

— Убойный смех — это животный смех, на уровне ниже живота? Типа нагнулся, пукнул — уже смешно...

— «Смешнее голой жопы в принципе нет ничего», — говорил еще Чарли Чаплин. Но смех такого уровня меня не особенно интересует. Кого веселить таким образом? У нас получается такой джазовый спектакль. И при этом очень актерский спектакль, в котором каждый, как инструмент, имеет свою партию. У меня много незапланированных вещей. Я их репетирую, конечно, но они будут смотреться как незапланированные. Из музыки будут свинги 40—50-х годов и гениальная музыка Вуди Аллена, который прекрасно к тому же играет на кларнете. Его джазовые композиции настолько театральны и ярки. Это безумный мир, и еще один безумный человек Аллен будет нам помогать.

— А ты безумный?

— Громко было бы сказано. Безумные про себя не говорят, что они безумные.

— Вопрос неслучайный — ты учился на психиатра, а все психиатры рано или поздно становятся похожи на своих пациентов.

— Я недоучился.

— Твой стиль на репетициях — ты диктатор или демократ?

— Я очень не люблю, когда люди сидят и долго-долго говорят вместо того, чтобы встать и попробовать ошибиться. Я люблю действовать. И я стараюсь окружить себя людьми, которые способны сделать шаг. Людьми, которые не боятся ошибиться, не боятся быть в хорошем смысле агрессивными. Поскольку я сам актер, я знаю, что актер чувствует на сцене, как ему помочь. Мы берем пьесу, и это для нас только повод, а не руководство к действию. Поэтому в нашей группе задерживаются только люди с одним настроением музыкальных инструментов. Я не приветствую хорошего индивидуализма, у меня все играют друг с другом.

— У тебя контракт с «ХХ век Фокс». Это значит, что ты ставишь и уезжаешь?

— Во МХАТ я приглашен на постановку. Потом я уезжаю в США, там у меня работа. В двух картинах у меня роль второго плана, в одной — главная. И еще две картины, на мой взгляд, совсем незначительные. После чего я постараюсь вернуться и еще что-нибудь сделать.

— Русскому актеру как в Голливуде?

— Смотря как к этому относиться. Если говорить об этом с точки зрения взаимоотношений, все так же, как у нас. Если с точки зрения технической, то совсем другое — две разные планеты. А так — все как у нас: нужны хорошие актеры, хорошие режиссеры. У нас в кино есть такое понятие «фанерка», чтобы перекрыть свет. Так вот, на одной большой юниверсовской картине искали фанерку. А у них бюджет 50 миллионов. Мне так понравилось — 15 камер, техника мощная, а они фанерочку ищут, чтобы тень сделать.

— То есть у тебя, русского актера Володи Машкова, нет в Голливуде никаких проблем?

— У меня не может быть проблем: не я ж сам туда поехал, меня пригласили. Если бы не Майкл Рэдфорд, который меня пригласил на картину, я никогда бы в жизни туда не отправился. Но так сложилось. Это была импровизационная картина, и я получил столько после нее. Называется «Танцы в Голубой игуане».

Это был чистый эксперимент — мы собрались без сценария, без персонажей, актеры из Америки, Англии и России. Все происходит в стриптиз-баре «Голубая игуана». Мы все сами создавали — внутри, за кулисами. Я жил как мой персонаж. Я каждый день менял мотели. У меня вылезали волосы от нервного напряжения. Один известный актер не выдержал и ушел с картины. Я не знаю, каким окажется результат, но процесс был величайший. Вот после этого удара мне не страшно ничего.

Марина РАЙКИНА.